

узами связаны с Моравией и Чехией, или — в терминах эпохи Войтеха — с Пражским диоцезом.

Кристиан является доказательством того, что кирилло-мефодиевская письменность была хорошо известна и использовалась в тогдашней Праге. Вопрос только в том, каким путем она сюда попала. Новое Пражское епископство очень нуждалось в этом наследии для своей экспансии, но сомнительно, чтобы оно пришло к нему самотеком. Пока кому-либо не удастся конкретно указать на возможность того, что в том или ином культурном учреждении в Моравии или Чехии кирилло-мефодиевские памятники сохранялись в течение всего опустошительного X в., вплоть до времени Кристиана, преждевременно рассуждать о непрерывности у нас традиции старославянской литературы. Если можно было приносить старославянские рукописи из Болгарии в Киев, то нет оснований сомневаться в возможности того, что для них был открыт путь с Балканского полуострова или из Хорватии также в Пражский диоцез времен Войтеха. Затем был еще путь культурных сношений через Рим в южную Италию, прежде всего через Монте-Кассино.

Пожалуй, мы не ошибемся, если назовем время епископа Войтеха первым славянским Ренессансом в Чехии. Гораздо правдоподобнее, что Кристиан и его современники освоили наследие IX в. заново, главным образом через болгарское посредство, чем предположение, что славянская культура бытовала в Чехии в течение всего X в. и лишь при первом пражском епископе была оттеснена на периферию культурной жизни. Скорее всего нет оснований обвинять автора «Crescente» в тенденциозном замалчивании славянской струи в чешском христианстве: местная традиция славянской культуры едва ли была в его время особенно заметной. Прилив славянских книг в Чехию в 80-х годах X в. вполне может объяснить резкий переход от узкого горизонта «Crescente» к широким перспективам, ко всей смелой концепции Кристианова труда. В то бурное десятилетие, когда принял крещение князь Владимир, а польский Мешко решил ударить по державе Пржемысловцев, безусловно не могли дремать и в Праге. Коротко говоря, там сложилась великодержавная идеология, задачей которой было подвести фундамент под господствующее положение Пржемысловцев в средней Европе. Кристиан — ее глашатай.

Мотив крещения Борживоя — это скрепа в кристиановской концепции объединенной истории Моравии и Чехии, агиографическое выражение идеи, что держава Пржемысловцев — прямое продолжение державы Великоморавской и Пражское епископство — это та же кафедра Мефодия. Кристианова компиляция, по существу, двучастна: она сочетает Кирилло-Мефодиевскую легенду с Вацлавской; возникновение фигуры Борживоя можно объяснить композиционными потребностями автора. Все же необходимо рассмотреть все составные части «Борживоевой легенды» — до Кристиана мы не находим ни малейших ее следов.

Самое слабое звено в Борживоевой легенде — рассказ о восстании Строймира. Насколько «подозрительно» это повествование, наглядно указывает догадка Халоупецкого, что здесь перед нами поздняя интерполяция.⁷ Сущность эпизода — международный мотив «Variemus»; его можно применить в любом контексте. По существу дела этот мотив был нужен автору, чтобы прославить первого чешского князя христианина рассказом о том сопротивлении, которое он должен был преодолеть. Кристиан судил правильно, полагая, что введение христианства должно было вызвать в стране языческую реакцию. Но восстание это он построил несколько

⁷ V. Chaloupecký. Prameny X století. . . , стр. 232, 236.